

АННМАРИ МОЛ НА ПУТИ К МНОЖЕСТВЕННЫМ ОНТОЛОГИЯМ

Ивахненко Евгений Николаевич – доктор философских наук, профессор. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4; e-mail: ivahnen@rambler.ru

В статье критически рассматриваются идеи нидерландского философа и антрополога Аннмари Мол. Анализу подвергается, главным образом, ее основной труд «Множественное тело: Онтология в медицинской практике». По мнению автора статьи, А. Мол удалось предложить свой вариант «онтологического поворота» и, возможно, поменять акценты во всем теоретическом репертуаре акторно-сетевой теории (ANT). Она, осуществляя «полицейское расследование» в больнице Z, сумела показать множественность онтологий тела и его заболевания / недуга. То, что называют недугом, представляется большим числом акторов – людей, их отношений, инструментов, методик диагностики и т. д., – которые в совокупности могут быть представлены как сборка, *ассамбляж* (assemblage). «Хореография онтологии» такой сборки имеет контингентный характер, так как может быть иной.

Ключевые слова: А. Мол, множественное тело, ассамбляж, онтологический поворот, заболевание, акторно-сетевая теория, онтологическая политика

ANNMARIE MOL ON THE WAY TO MULTIPLE ONTOLOGIES

Eugeny N. Ivakhnenko – DSc in Philosophy, professor. Lomonosov Moscow State University. 27/4 Lomonosovsky Ave., Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: ivahnen@rambler.ru

The article critically examines the ideas of the Dutch philosopher and ethnologist Annemarie Mol. Her main work, “The Body Multiple: Ontology in Medical Practice”, is mainly subjected to analysis. According to the author of the article, A. Mol managed to offer his own version of the “ontological turn” and, perhaps, change the accents in the entire theoretical repertoire of actor-network theory (ANT). She, carrying out a “police investigation” in hospital Z, was able to show the multiplicity of ontologies of the body and its disease / illness. What is called the illness is represented by a large number of actors – people, their relationships, tools, diagnostic methods, etc. – which together can be represented as an assembly or assemblage. The “choreography of the ontology” of such an assembly is contingent, since it may be different.

Keywords: Mol, body multiple, assembly, ontological turn, actor-network theory, ontological politics

Прошло семнадцать лет после выхода на английском языке первого издания книги голландского философа и антрополога Аннмари Мол «Множественное тело» [Mol, 2002]. С этого момента упоминания о тексте и имя автора без промедления переключались в работы по самым разным направлениям гуманитарного и прикладного естественно-научного знания. Выход в свет полного русскоязычного перевода

книги [Мол, 2017] также можно считать событием, которое заслуживает того, чтобы обсудить его на страницах журнала.

Со времени первой публикации «Множественного тела» («МТ») Мол, по ее признанию, не пересмотрела ни одной из ключевых идей своей книги, за исключением того, что поставила бы в подзаголовке «*онтологии* в медицинской практике», во множественном числе.

Некогда на шумевшая «Лабораторная жизнь» [Latour, Woolgar, 1979] Б. Латура и С. Вулгара в «МТ» приобретает двойное измерение – лабораторное и клиническое. Реальность *онтологий телесности* приоткрывается для Мол именно в клинике. В клинических медицинских практиках сущность (entity) атеросклероза собирается из мерцательной множественности факторов. Это и атеросклеротическая бляшка, и проблема, которую радиологи зафиксировали на рентгеновских снимках, и режим питания пациента, и то, чем пациент поделился во время разговора с лечащим врачом, и т. д. Перед нами открывается сонм объектов и событий, которые не находятся в транзитивных отношениях и не включают в себя друг друга, а, скорее, «находятся бок о бок».

Данная комплексность атеросклероза определяется в качестве контингентной сборки (assemblage), которую в конечном итоге признают в качестве конкретной версии заболевания. В ее оптиках конкретная версия болезни и ее лечение, это – не найденное, а всегда сделанное, «сделанное несколькими людьми и множеством вещей» [Мол, 2017, с. 59]. Слово «делать» окаймляет текст книги так, что первая глава о том, как «делается болезнь», а последняя – как «делается теория», устремленная прочь от форм, несущих в себе универсалистские притязания.

Расклад, представленный таким образом, подводит Мол к еще более радикальному выводу: тело и телесные заболевания всегда больше, чем один объект. Как это понимать? Конкретное тело и его заболевание не являют собой «многочисленные» (*plural*) топологии, а всегда «множественные» (*multiple*) проявления версий в границах одного и того же топоса. В этом отношении Мол последовательный союзник Дж. Ло, лидера Ланкастерской школы, одного из представителей трансдисциплинарного семейства акторно-сетевой теории (АСТ). Движения мысли в сторону понятой таким образом множественности онтологий атеросклероза подводит Мол к призыву концептуализировать «онтологическую политику» медицины по аналогии с «Политиками природы» Б. Латура [Latour, 1999]. При этом Мол разделяет политику на «политику-кто» и «политику-что».

Политика-кто реализуется в направлении расширения возможностей пациентов для выбора ими методов лечения и ограничения в этих вопросах власти профессиональных медиков. Политика-что, по сути, *делает* тело. Ключевому для Мол понятию «политики» Ло

в последующем придаст глобальное измерение, назвав онтологическую политику «способом производства миров».

Сама Мол называет «МТ» «шагом в сторону от эпистемологии», поскольку полагает, что эпистемологию заботит лишь референция, точность репрезентации единой и равной самой себе реальности. Эпистемология в ее трактовке следует идеалу твердых пропозиций, неизменность которых охраняют «стражники» рационального обоснования. В противовес этому Мол выставляет множественность сборок со всегда открытой возможностью иной комбинации разнородностей и локальностей. Как можно определить такого рода интеллектуальное предприятие? Не представляет ли Мол и ее коллеги по цеху АСТ своего рода анти-философию, заметно выпадающую из больших философских идей и текстов? В данном случае мы имеем дело с *праксиографией* и «практика» здесь становится в ряд ключевых понятий. В исследовании Мол также четко просматриваются элементы фрейм-анализа И. Гофмана [Гофман, 2003], а частотность употребления в тексте слов со значением «фрейм» (frame) одна из самых высоких.

Чтение книги Мол вовсе не похоже на легкую прогулку по страницам научно-популярного издания. Кажущаяся простота и непритязательность стиля по мере углубления в текст оборачиваются трудностями его восприятия и усвоения. Прежде всего – это разделение текста на верхний и нижний. Текст и подтекст – оригинальная задумка автора, позволившая симметрично описать и сопоставить медицинские практики с изложением идей Ж. Деррида, Ж. Делёза, Ф. Гваттари, М. Фуко, Д. Харауэй, Д. Батлер... и, конечно же, особенно близких ее подходу разработок «семейства» АСТ – Б. Латура, М. Каллона и Дж. Ло. Для философов, знакомых с проблематикой АСТ и «онтологическим поворотом», такое разделение может быть принято в качестве эффективного приема, приводящего в соответствие форму организации текста с концептуальным его содержанием.

Погружаясь в текст книги, читатель получает доступ в скрытую от глаз постороннего ежедневную жизнь клиники, в которой выслушивают жалобы пациентов, изучают ангиограммы, оперируют, удаляют пораженные артерии, препарируют тела умерших, ведут статистику патологий и смертей... В этом отношении книга, несомненно, вызовет интерес со стороны отечественного исследователя, наученного работать со смыслами и понятиями, заполняющими пограничное пространство между рутинными медицинскими практиками и теоретической социологией.

Мол своей книгой предотвращает уже обозначившийся распад эпистемологической коалиции АСТ. Призыв Латура «вернуть вещам их подлинность», как оказалось, недолго продержался на плаву. Мол в «МТ», предлагает свой вариант оптики социальной теории и, возможно, всего теоретического репертуара АСТ. Она продемонстрировала не возврат к вещам и не к онтологии технологических объектов,

а перенаправление исследовательской мысли в сторону *ассамблей* (*assemblage*), множественных онтологий.

Автор проводит различие болезни (*disease*) и недуга (*illness*). Заболевание или болезнь представляется одномерным преимущественно физическим телесным феноменом. Недомогание или недуг феномен многомерный, который уже несет в себе свойство ассамбляжа – набора факторов, имеющих отношение к самой жизни пациента во всех возможных ее проявлениях. Именно недуг выступает со стороны множественных онтологий, похожих на разные хореографические построения одного и того же танца. Термин «онтологическая хореография» пришелся к месту для демонстрации радикального отказа от статичного представления об онтологии в медицинской практике в трех ее режимах – координации, распределения и включения.

Фокусировка на обеих сторонах проведенного различия «*disease / illness*» служит приводным ремнем, раскручивающим маховик преобразования смыслов АСТ. Одним из ключевых моментов такого преобразования является замена латуровского «актера» (*actor*) на безличную глагольную форму «приведение в действие», «задействие», «осуществление» (*enact*) и производное от нее форму существительного тех же слов (*enactment*).

В первую очередь, ее интересует идентичность, как ее понимают сами акторы. Для наблюдателей первого порядка – врачей, пациентов, лаборантов, рентгенологов и т. д. – реальность, которую они исполняют (*perform*), представляется единственной реальностью. Множественность осуществления открывается только для наблюдателя второго порядка. Таковую наблюдательную позицию занимает сама Мол, когда покидает операционную или лабораторию и приступает к описанию увиденного там. Она, подобно И. Гофману, выходит за границы фрейма и становится зрителем произошедшего в нем представления, «спектакля» (*performance*).

Но состоявшийся перформанс уже обладает некоторой устойчивостью – это уже конкретная версия заболевания и назначенный курс лечения, которому следуют врачи и пациенты. Для Мол важен также в целом неудобный для нее вопрос: как, за счет каких внутренних связей, сохраняется конкретный вариант онтологической устойчивости того же «атеросклероза». Ответ на него важен уже потому, что «быть – значит быть связанным» [Мол, 2017, с. 92]. Что позволяет отсрочить скорый распад *осуществленной* онтологии телесности? Отвечая на него, Мол не всегда удается оставаться убедительной. С одной стороны, она предлагает покинуть проект Фуко, для этого надо только «спустить понятие дискурса на землю» и перестать говорить о нем в единственном числе. С другой – придает связующую функцию термину «атеросклероз», который, как она считает, функционирует как «координирующий механизм» [там же, с. 164].

Признавая расплывчатость такой аргументации, соглашусь с утверждением, что нет такой единой рациональности, которая могла бы прийти на помощь многочисленным неупорядоченным практикам, тем более, что между различными задействованными рациональностями всегда есть серьезные нестыковки.

Для практико-ориентированного подхода, которого придерживается Мол, теории – это «ящики с инструментами». Они нужны для того, чтобы адаптировать исследователя к неожиданностям, с которыми он сталкивается в новых эмпирических случаях. Похоже, что тот теоретический задел, который она создала в своем *opus magnum*, оказался вполне достаточным и, к сожалению, исчерпывающим для ее последующей исследовательской работы. Статьи, опубликованные ею после первого издания «МТ», а также в соавторстве с коллегами по цеху STS и особенно с Дж Ло [Law, Mol, 2011], в основном сориентированы на все то же *осуществление* выделенных объектов, но теперь уже не только медицинских, но и ветеринарных, гендерных, антропологических – на культуре питания, диете, заботе и т. д.

В своем интервью Мол отнесла способность текста затронуть интересы потенциальных читателей к числу важных условий путешествия ее книги по различным интеллектуальным полям России. К этой части ее пожеланий хочется присоединиться, не забыв при этом сердечно поблагодарить группу переводчиков Cube Pink (МГУ) и ее редакторов.

Список литературы

Гофман, 2003 – Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г.С. Батыгина, Л. А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.

Мол, 2017 – Мол А. Множественное тело: Онтология в медицинской практике / Пер. с англ. группы Cube of Pink (МГУ) / Под науч. ред. А. Писарева, С. Гавриленко. Пермь: Гиле Пресс, 2017. 254 с.

Latour, Woolgar, 1979 – Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Beverly Hills: Sage, 1979. 271 pp.

Latour, 1999 – Latour B. Politiques de la Nature. La Découverte, Paris, France, 1999. 384 pp.

Law, Mol, 2011 – Law J., Mol A. Veterinary realities: what is foot and mouth disease? // Sociologia Ruralis. 2011. No. 51(1). Pp. 1–16.

Mol, 2002 – Mol A. The Body Multiple: ontology in medical practice. Durham, NC: Duke University Press, 2002. 216 pp.

References

Goffman, E. *Analiz freimov: esse po organizacii povsednevnogo opita* [Frame Analysis. An Essay on the Organization of Experience]. Moscow: Institut sutchologii RAN, 2003, 752 pp. (In Russian)

Latour, B. & Woolgar, S. *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Beverly Hills: Sage, 1979, 271 pp.

Latour, B. *Politiques de la Nature*. La Découverte, Paris, 1999, 384 pp.

Law, J., Mol, A. “Veterinary Realities: What Is Foot and Mouth Disease?”, *Sociologia Ruralis*, 2011, no. 51(1), pp. 1–16.

Mol, A. *Mnogestvennoe telo: Ontologia v medicinskoj praktike* [The Body Multiple: ontology in medical practice]. Perm': Gile Press. 2017. 254 p. (In Russian)

Mol, A. *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice*. Durham, NC: Duke University Press, 2002, 216 pp.